

Санжа Балыков. (Прага).

Когда выдаются подбородки.

Грызть гранит высшей европейской науки — дело пленое, если только имеешь хоть четырехсоткроновую стипендию, здоровье и не совсем пустую голову. Ходи аккуратно на лекции, внимательно слушай, придя домой — зубри, реже назначай свидание кондитерской служащей, что напротив твоей квартиры и за счет желудка не покупай на последние, хотя бы батевских, лакрирок.

Но вот, когда тебя, в порядке ли национальной экономики по случаю кризиса, или в порядке устранения будущих недоразумений в науке, снимут со стипендии, то это уже дело не шутейное. Тут приходится грызть не только гранит науки, но и лезть на скалу жизни. Начинается, собственно говоря, не жизнь, а борьба с жизнью. Конечно, есть такие малодушные элементы, которые в таких случаях отказываются от науки и принимают только за скалу и всю жизнь этим потом и занимаются. Ну, а мы, с моим другом Мазуром, когда с нами случилось это самое, озлобились и решили продолжать грызть и лезть. Уж очень досадно было бросать дело на третьем году его благополучного течения.

Удивительного тут ничего нет, потому — мало ли молодых людей на свете ушло, зарабатывая хлеб своим трудом. Говорят, в старину даже был в моде такой способ прохождения науки. Приедет, скажем, помещицкий сынок в столицу, проникнется убеждением, что каждый должен жить своим трудом и отказывается от папиных и маминих денег. А когда его как следует скрутит голод, намерзнет в мансарде, то он тихонько идет к богатому родственнику отъедаться, а если таковых не было, через сестру просит у мамы и, получив необходимую сумму, скрывается на край города, нанимал квартиру у какой-нибудь купеческой вдовы и там набирался новых сил для продолжения праведной жизни. Как видите, тогда для этого большого ума и не требовалось. Но теперь, когда мы, так сказать, в тяжелых условиях изгнания, а кругом лютая безработица и местные братья пролетарии волками смотрят на нас, как на классового врага, а демократические правительства, внемля гласу общественного мнения, начинают защищать национальные рынки труда, тут уже не то... Тут выбиваются только люди с выдающимися подбородками, вот те самые про которых Демидов пишет. А наши с Мазуром подбородки совсем как на луне.

— Да-с, насчет выдающихся подбородков у нас дело — слабо, никакого тебе выступа, — огорченно гонорил я Мазуру, уже второй раз ложась без ужина, в надежде на утреннюю чашку хозяйского кофе.

— Ничего, Коаур, вот последним месяцем на режиме максимальной экономии, без стипендии и работы, так они у нас выдадутся так, что хоть зови исследователей выдающихся подбородков, отвечал Мазур, укрываясь перinou.

И действительно, через месяц наши подбородки заметно вытянулись и вместе с этим начала вливаться в нас энергия. Обнаружив это, мы и решили, что надо выходить из положения, иначе наверняка могли выйти из квартиры, что уже было бы хуже.

Я, Коаур Шалхаков, и мой друг, Мазур Саланов, были очень подходящей парой, ибо взаимно дополняли друг друга в качествах: Мазур был большой мастер над всеми проекты, но никогда ничего не умел приводить в исполнение, а я был слабее над проекты, но если за что брался, то доводил до конца или до явного абсурда.

— Ты, Мазур, придумай-ка за ночь что-нибудь, а я уже там постараюсь провести в жизнь, — сказал я в тот вечер, когда была замечена перемена в наших подбородках. Утром чуть свет он меня будил:

— Коаур! проснись, план готов, теперь твой танец!

Оказалось, что нам нужно дать в ближайших от Праги деревнях, куда можно добраться не тратясь на трамвай и автобус, несколько «ориентальских» вечеров. Дело было не Бог весть какое трудное: собрать еще трех безработных калмыков, бешметы и халаты по колония, расшитые шапочки и другие атрибуты наци-

ональной костюмировки удалось достать тоже быстро. Часам к трем того же дня мы были в одной деревне, в верстах 15 от Праги.

Так как организационная часть легла на меня, то вести переговоры с местным начальством и с хозяином отеля пришлось мне. «Дать вечер» оказалось можно, но вывешивать объявления не разрешили. Тогда я одел своих «китайцев» в костюмы и торжественно поволил их по улицам деревни и всех, приближающихся к нам любопытных, приглашал на интересный «ориентальский» вечер, имеющий быть сегодня в отеле «Горак» в 7 часов. После этого вернулись в отель и, в отдельной комнате прорешетировали наши номера, пообедали в счет будущей выручки и стали ждать. Настал вечер. Смотрим — народ налит так, что Мазур мой едва успеваешь отпустить билеты. Настроение у нас все время было хорошее, но вот, когда настала минута выходить на сцену и предстать перед публикой, прямо душа в пятки ушла, все сдрейфили. Наконец я, как директор труппы, первый почувствовал за собой ответственность и решительными толчками выгнал своих артистов на сцену и сам, зажав в руке для чего-то взятую плетку, сердито зашагал по сцене. Зал замер в ожидании. Тут Мазур мой догадался заиграть со своим партнером на мандолине и гитаре мотив калмыцкого танца. Я несколько успокоился и, сев на пол, сложив ноги по калмыцки, хлопнул в ладоши и зычноскомандовал: «танцевать!» Два наши товарища, один из которых был переодет в женщину, плавно поплыли в танце. Видя, что публика смотрит с жадным интересом я длил танец, время от времени крича: «танцевать!». Наконец, когда мои танцоры начали сбиваться в тактах и тяжело дышать, я царственно махнул рукой и когда артисты замерли в низком поклоне публике, зал разразился громом аплодисментов. Такого эффекта я не ожидал.

Покурив я уборной и отдохнув, мы уже смелее вышли на сцену и я, дирижуя плетью, завел калмыцкую частушку. Песня тоже удалась. Опять аплодисменты. Потом один из нас танцевал соло, другой спел соло, сделали антракт и после него показали что-то вроде сватовства и свадьбы, как «чинскую» бытовую сценку, и вечер был закончен. Из выручки расплатились с хозяином за обед и помещение и еще на каждого брата досталось по 100 крон. Так как в уходящей публике слышались жалобы на краткосрочность вечера, то со следующего села мы прибавили к концу номера танцы. Правда это дороже обходилось нам (музыка, зала и налог), но зато публика шла охотнее. Месяц целый бродили мы своей труппой из деревни в деревню и вернулись в Прагу, имея возможность спокойно готовиться и сдавать несенные зачеты в университете.

Наступила весна. Деревенский заработок наш истощился, безработные разбрелись в поисках работы и нам с Мазуром опять надо было выкручиваться. Подумал Мазур, подумал и говорит:

— Ну-ка, сходи на центральную станцию радио-концерта и поговори с директором, нельзя ли сделать беглый доклад об истории калмыцкого народа и спеть несколько национальных песен. Удивляясь находчивости моего друга, я пошел. Оказалось, что можно. Доклад Мазура на прескверном чешском языке никто конечно не понял, против нашей песни никто protestовать не мог, 200 крон за вечер мы положили в карман, а наутро выложили перед хозяйкой квартиры. Стало легче, но не совсем; надо было еще что-то и где-то заработать.

— А не пойти нам в тот магазин, где японские и китайские вещи продаются, ведь из рук самих «японцев» и «китайцев» будет охотнее покупать, хозяин это поймет — решил я предложить, видя затруднение Мазура.

— Ага! Коаур, и ты начинаешь мовговать! Bravo! Bravo! Идем! — обрадовался Мазур.

В тот же день мы оба бегали по городу с чмоданчиками в руке и, стучась в наиболее богатые дома,

предлагали свои „только что собственноручно из Китая и Японии привезенные товары“. Дело пошло. На другой месяц мы уже имели от хозяина небольшой фикс и плюс — проценты от проданного. Можно было жить и учиться. Но ухудшение торговых дел фирмы заставило нас на лето уехать на сельскохозяйственные работы. Там, живя в другом отделении коронника, мы косили, возили, молотили, копали, недурно литались, хорошо спали и к осени вернулись поздоровевшими, загорелыми и с небольшим запасцем в карманах.

Через два месяца надо было опять изворачиваться. И кем только мы не побывали и где только не работали? Если бы имели глупую привычку некоторых эмигрантов — на дверной карточке перед своей фамилией ставить слово „бывший“, то дальше нам места не хватало бы на карточке. Хорошо тому, кто раз только в жизни был кем-то, и дальше перестал быть, написал: „бывший директор 1-й Ростовской на Дону гимназии Полуярков“ и basta. А попробуй-ка перечислить, кем ты бывал при нашей жизни! Были зазывалами и по-давателями в японском ночном баре, мыли посуду в ресторане, были гарсонами, билетерами в театре, разводящими в кино... Ах, вот про это стоит вспомнить: оденемся, бывало, с Мазуром в форму: в алого сукна гужурку с золотыми пуговицами, такие же брюки на выпуск с темносиними лампасами, на голову шапочка с галунами, с лакированными козырьками и станем у дверей лицом друг к другу и замрем в величественной позе. А дамы и заглядываются на нас. Да и было на чего: гвардейцы китайского Богды-Хана да и только. Потом, одевшись в костюмы калмыка и калмычки, продавали мы на Пражской выставке китайский чай. Богачи охотно покупали настоящий „чинский“ чай из рук настоящих „чиняна и чинянки“. А самое интересное это — как выступали в цирке с „ориентальской борьбой“. Надо сказать, что ростом, телосложением и мускулатурой Бог нас обоих не обидел. Когда мы разделись, надели трусики, сандалии и, колесом выжав грудь, продефелировали перед публикой с партией профессиональных борцов, то никто не сказал бы, что мы не восходящие звезды арены. От профессиональных борцов мы даже выгодно отличались. Если они все почти были пожилые, пополневшие, брюхатые мужчины с дефектами в дыхании и пр., то мы были молоды, стройны, гибки, темной бронзой отливала наша кожа. Я чувствовал, что не одна дама направляет на нас свои зоркие приспособления.

Наш номер — невиданная в Европе калмыцкая борьба с швырянием один одного через голову — очень понравился публике. Она много аплодировала. Хозяин был весьма доволен. Надо заметить, что мы с Мазуром никогда ни разу между собой не боролись, до этого, каждый из нас считал себя на должной высоте. И вот, когда мы оказались перед тысячной публикой, самолюбие мужчин заговорило в нас и каждый молча решил зря не поддаться и мы сцепились не на шутку. Сила Мазура не оказалась меньше моей, но он не был знаком с приемами борьбы, которые я еще мальчиком усвоил. Когда я, уловив момент неловкости противника, сильно ткнул его лбом об змею и, не давая ему возможности твердо стать на ноги, три раза швырнул его через себя так, что пятки шелкали от шлепаний по

земле, Мазур беспомощно растянулся и я его безжалостно придавил всей силой. Борьба получилась хоть куда, не то, что позня других пар, с заранее известными результатами. Арбитр обвинил, что „чинский борец Кин-Тинь-Лин не признает себя окончательно побежденным и вызывает японского борца Какуто-Икото на реванш в следующий четверг“. Наше выступление дало нам по 100 крон.

В следующий четверг „японца и чиняна“ публика приветствовала, как старых знакомых, одобрительными возгласами. На этот раз, уже по уговору, Мазур должен был меня победить после порядочной возни и пыхания. Когда после грозного рывка мы схватились, Мазур, перекинув через себя, придавил меня за шею, где был чирей, и закричал по своему: „не дави дурак за шеею!“, тогда он поспешно сунул руку под мою мышку, „не лезь под мышку, а то засмеюсь!“ закричал я едва не прыснув. Подбежал арбитр и, остановив борьбу, спросил в чем дело. Я взволнованно доложил ему, что этот китаец хотел употребить некоторые опасные приемы „Джву-Джитсу“. Мазур мой получил первое предупреждение и борьба продолжалась. Номер мой публике очень понравился. Она увидела в этом настоящих восточных борцов, могущих один одного убить на арене. „Китаец“ (чинян) на этот раз был объявлен победителем „японца“. И так целых две недели морочили мы публику, пока не надоели. Это дало нам возможность месяца два — три приводить в порядок дела учения.

Недурно подработали в съемке чешского фильма из жизни легионеров в России, где мы изображали китайцев в красной армии. Здесь Мазур мой опозорился немалюкко: когда он лежал при пулемете и на него со штыками наперевес ринулись чешские легионеры, а вблизи заухали пушки, Мазур мой zelo перелякался и, позабыв роль, вместо того, чтобы броситься навстречу, бросил винтовку и со страху удрал с поля сражения. Целый день с него смеялись.

Последнее лето мы провели в частых выступлениях в Луна-Парке „Дден“, где большой компанией показывали какие-то фантастические „ориентальские“ номера в фантастических костюмах.

Как в калейдоскопе пестро и разнообразно прошли три года, голод и холод ввели много раз, и, наконец, кончив учение, мы получили наши дипломы. Хотя мы и старались сохранять хладнокровие и казаться равнодушными, но улыбка распирала наши губы, душа ликовала одержанной победой, так трудно нам доставшейся.

— Доктор медицины Козур Шалхаков! — галантно расшаркался я перед Мазуром, войдя с дипломом в руке.

— Доктор философии Мазур Саланов, — отвечал он и мы со слезами на глазах крепко обнялись.

— И так, Мазур, мы победили и перед нами новая жизнь — сказал я.

— Когда вода доходит до подбородка, собака начинает плавать! Не правда ли — мудрая пословица? — отвечал он.

— Да, мудрая, а когда она начинает плавать, то подбородок у нее начинает выдвигаться — добавил я и мы оба захохотали.

Оксана Печениг.
(Болгарія).

* * *

Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Плили, плили корабельки по водах,
Проїздили козаченьки по шляхах...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..

Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Загубились білі фани в далені —
Одружились козаченьки в чужині...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засмучене, не засмучене?..
Ой, не скоро остойтється вся вода,
Ой не скоро позабуду... козача...
Гей, вода в озерах скаламучена, скаламучена!..
Чей життя у мене не засуджене, не засуджене?..